

**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ
ЛИНГВИСТИКА/THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS**

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.71.5>

**РОЛЬ ТРАГЕДИИ АМЕРИКАНСКОГО ЮГА В ФОРМИРОВАНИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗА
«СТУДЕНТ» НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ У. ФОЛКНЕРА «ШУМ И ЯРОСТЬ» И «АВЕССАЛОМ,
АВЕССАЛОМ!»**

Научная статья

Бабаев А.М.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0003-2639-9550;

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (anar_mk9[at]mail.ru)

Аннотация

Лингвокультурный образ «студент» рассматривается в работе на материале романов У. Фолкнера «Шум и ярость» и «Авессалом, Авессалом!». Поражение в Гражданской войне 1861–1865 гг. сформировало у южан трагическое восприятие реальности, в котором они вынуждены жить в годы Реконструкции и после нее. Ностальгия по Старому Югу обращает внимание Квентина, как типичного студента-южанина, на так называемый «рыцарский кодекс», который сложился под влиянием античной литературы, произведений эпохи Средневековья и христианства. Однако миф о южном рыцарстве оказывается неуместным после войны Севера и Юга, что усиливает трагичность положения как героя У. Фолкнера, так и населения Южных штатов в целом. Отсюда в тексте «Шума и ярости» одержимость Квентина временем, заботой о сестре как части рыцарского кодекса и в конечном счете самоубийство ввиду невозможности существования в той реальности, которая осталась. В романе «Авессалом, Авессалом!» также выявляются тоска по прошлому, изображение Юга, как чего-то мертвого, а южан как призраков. При этом Квентин Компсон вновь изображен типичным студентом-южанином, который не способен стать частью холодной и чуждой Новой Англии. Сам портрет героя демонстрирует сгорбленного и словно униженного человека. Все эти факторы указывают на то, что в данном случае реализация лингвокультурного образа «студент» происходит под влиянием истории и культурных особенностей Юга США.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультурный образ, студент, историко-культурные особенности юга США.

**THE ROLE OF THE TRAGEDY OF THE AMERICAN SOUTH IN SHAPING THE LINGUOCULTURAL
"STUDENT" IMAGE BASED ON W. FAULKNER'S NOVELS "THE SOUND AND THE FURY" AND "ABSALOM,
ABSALOM!"**

Research article

Babaev A.M.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0003-2639-9550;

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

* Corresponding author (anar_mk9[at]mail.ru)

Abstract

The linguocultural "student" image is examined in the work on the material of W. Faulkner's novels "The Sound and the Fury" and "Absalom, Absalom!". "Defeat in the Civil War of 1861–1865 shaped Southerners" tragic perception of reality, in which they were forced to live during and after Reconstruction. Nostalgia for the Old South draws the attention of Quentin, a typical Southern student, to the so-called "chivalric code", which was influenced by ancient literature, medieval works, and Christianity. However, the myth of Southern chivalry proves out of place after the war between North and South, which intensifies the tragedy of both Faulkner's hero and the population of the Southern states as a whole. Hence, in the text of "The Sound and the Fury", Quentin's obsession with time, his concern for his sister as part of the chivalric code, and ultimately his suicide due to the impossibility of existing in the reality that remained. The novel "Absalom, Absalom!" also identifies a longing for the past, depicting the South as something dead and Southerners as ghosts. At the same time, Quentin Compson is again portrayed as a typical Southern student who is unable to become part of the cold and alien New England. The portrait of the hero himself shows a hunched and seemingly humiliated man. All these factors indicate that in this case, the fulfilment of the linguocultural "student" image is influenced by the history and cultural characteristics of the American South.

Keywords: linguoculturology, linguocultural image, student, historical and cultural characteristics of the southern USA.

Введение

Лингвокультурный образ — это узнаваемый представитель культуры, который наряду с другими такими типажам формирует культуру какого-либо общества [6, С. 15]. Отметим использование словосочетания «лингвокультурный типаж» в качестве синонима лингвокультурному образу. В настоящей работе мы будем обращаться к первому варианту, поскольку он предпочтительнее в контексте художественной литературы, содержащей в себе образы.

Говоря об изучении лингвокультурных образов, укажем, что в данной области существует множество исследований таких ученых, как В. И. Карасик [3], [4], Е. Дубровская [2], О. А. Дмитриева [1], Е. А. Ярмахова [5] и пр.

Изучение лингвокультурных образов актуально и важно, исходя из необходимости исследования лингвокультурной специфики того или иного народа. При этом актуальность настоящей работы определяется также ролью Южных штатов в американской культуре.

Процесс пересмотра Юга США возобновился в настоящее время после волны протестов движения BLM (Black Lives Matter). Так, в 2020 г. было удалено 168 памятников [14]. Множественность прецедентов указывает на актуальность выбранной темы. Кроме того, данная тема является для США важной не только в контексте движения BLM в последние годы: роль Конфедерации в культуре Америки была значительной и прежде, но особенно обострилась в XXI веке. Например, в 2017 г. К. Уилсон посвятил статью тому, что само название *Confederacy* нежелательно в применении к коалиции южных штатов в годы Гражданской войны, поскольку считается, что использование данной лексемы в отношении негосударственного образования некорректно. В аналогичном контексте принято отказаться от термина *the Union*. Употребление указанных обозначений «придает Конфедерации легитимность» (Переведено здесь и далее мной — А. Бабаев): [*these terms*] «*lends legitimacy to the Confederacy* [15]».

Цель статьи — исследовать роль реконструкции и трагедии Юга в процессе формирования лингвокультурного образа «студент» на примере романов американского писателя У. Фолкнера «Шум и ярость» и «Авессалом, Авессалом!».

В статье используются следующие методы исследования: контекстуальный (образ «студента» анализируется в «окружении», т.е. в контексте времени, страны, региона), компонентный анализ (используется для разложения лингвокультурного образа «студент» на смысловые части) и концептуальный (требуется, чтобы выявить языковые воплощения тех единиц и образований, которые определяют национальную картину мира и культуру).

Основные результаты

В романах «Шум и ярость» и «Авессалом, Авессалом!» Квентин Компсон представлен студентом Гарвардского университета [7, С. 384]. Молодой человек является носителем культуры довоенного юга: на это указывает Л. Томпсон, отмечая, что Квентин подчиняется кодексу так называемого «Старого Юга» [13, С. 61]. В результате этого героя характеризует чрезмерная привязанность ко времени, которую Д. Меллард называет одержимостью (*Quentin... is virtually obsessed by it [time]*) [13, С. 62]. Особое отношение персонажа ко времени выражается в речи героя в романе «Шум и ярость». Глава, посвященная Квентину, написана от его лица, и текст следует считать реализацией его речевого портрета, а авторские ремарки в данном случае служат дополнением к описанию сознания молодого человека. Персонаж часто обращается к лексике, связанной со временем. В начале главы отмечается:

...it was between *seven and eight o'clock and then I was in time again, hearing the watch* [8] (Выделено здесь и далее мной — А. Бабаев).

(«...было где-то между семью и восемью часами, и я снова во времени, слышу часы»).

Далее по тексту:

...that quality of light as if *time really had stopped for a while* [8].

(«...свет такой, будто время действительно ненадолго остановилось»).

На помешательство временем указывает также М. К. Браун: *The most significant characteristic of Quentin's mind is his fixation with time* («Наиболее важной характеристикой сознания Квентина является его сосредоточенность на времени») [6, С. 545]. Примечательно, что глава данного героя завершается также темой времени [6, С. 545].

Для Квентина, как для южанина, время «болезненно и разрушительно» (*painful and destructive* [6, С. 545]). Эта характеристика, выраженная в речевом портрете, является первым положением, указывающим на типичность образа.

Далее важно обратиться к так называемому «рыцарскому кодексу» (*chivalric code*). На формирование вышеуказанного «кодекса» среди южан повлияла античная литература (например, Овидий и Ксенофонт), которую население нередко читало в «измененных переводах» (*bowdlerized translations*) [9, С. 188–189]. Таким образом, южане позаимствовали из воспринятого христианским сознанием древнего материала те добродетели, которые считали рыцарскими: бесстрашие (нередко, скорее безрассудство), христианская справедливость, вежливость [9, С. 189]. Кроме того, на юге изучались и рыцарские тексты Средневековья, что также внесло вклад в формирование кодекса [9, С. 189–190].

Так, на рыцарскую вежливость и приверженность этикету в романе «Авессалом, Авессалом!» указывает то, как Квентин исправляет своего соседа Шрива, который называет «мисс Розу» «тётей». Примечательно, что для канадца Шрива такая принципиальность остается непостижимой:

«Wait. Wait. You mean that *this old gal, this Aunt Rosa*—»

«*Miss Rosa*», *Quentin said*.

«*All right all right. — that this old dame, this Aunt Rosa*—»

«*Miss Rosa, I tell you*».

«*All right all right all right. — that this old this Aunt R — All right all right all right all right*» (sic) [7, С. 176].

Старый Юг использовал рыцарский миф, который распространялся странствующими певцами, преувеличивавшими рыцарские добродетели и христианские идеалы в их поступках [9, С. 190]. В результате данный миф укрепил в сознании южан мысль о том, что Юг — «земля **рыцарства**, земля музы, обитель государственных деятелей, дом ораторского искусства, место обитания историка и героя» (...ours is the land of **chivalry**, the land of the muse, the abode of statesmen, the home of oratory; the dwelling place of the historian and the hero) [9, С. 190].

И данные черты типичного южанина в том числе проявляются в образе Квентина. Кроме того, отношение героя к сестре, которую он стремится защитить [8], также продиктовано южным кодексом, поскольку в системе ценностей южан женщина — это человек, «которого нужно защищать и лелеять» (*human beings to be protected and cherished* [9, С. 197]). Значительная часть образа героя в «Шуме и ярости» построена на мыслях о сестре Кэдди. Речевой портрет Квентина содержит путаные и хронологически разрозненные воспоминания о сестре. Одна из таких сцен выглядит следующим образом:

*I sat up she was sitting on the ground her hands clasped about her knee
go on to the house like I told you
yes Ill do anything you want me to anything yes
she didnt even look at me I caught her shoulder and shook her hard
you shut up
I shook her
you shut up you shut up
yes
she lifted her face then I saw she wasnt even looking at me at all I could see that white rim
get up (sic) [7].*

Примечательно, что автор не использует традиционное деление реплик, а также не прибегает к апострофу для корректного графического изображения сокращений *I will (I'll), did not (didn't), was not (wasn't)*. Будучи южанином, герой не может перестать думать о своей сестре, поскольку забота о ней является частью лингвокультуры, к которой он принадлежит. В данном случае лингвокультурный образ формируется с помощью Кэдди, как ещё одного разочарования Юга и символа разрушения. Отметим, что так называемая южная леди (*the Southern lady* [10]) — это очередной миф, который воспринимается как «хранилище всего наилучшего, что есть на Юге» [10, С. 73]. Поэтому культура данного региона считает женщину самой важной фигурой. Ценностно значимые характеристики южной леди — «приверженность строгому кодексу поведения, ее достоинство, нравственность и целомудрие» (*her adherence to a strict code of behaviour, her dignity, morality, and chastity* [10, С. 73]). Таким образом, сам Квентин в данном случае представляет собой архетип «южного джентльмена» (*the Southern gentleman* [12]), поскольку стремится следовать кодексу.

Далее обратимся к портрету героя. В романе «Авессалом, Авессалом!», изображая Квентина, У. Фолкнер отмечает, что молодой человек является частью Юга:

...his very body was an empty hall echoing with sonorous defeated names; he was not a being, an entity, he was a commonwealth [7, С. 12].

(«само его тело было пустым залом, в котором эхом отдавались звучные имена побежденных; он не был существом, сущностью, он был сообществом»).

Отдельно отметим использование существительного *commonwealth*, которое можно перевести как «сообщество», «содружество», «государство» или «союз». В этом случае Квентин — это прямое воплощение Юга.

Далее в тексте автор обращает внимание на позу персонажа:

...sat hunched in his chair, his hands thrust into his pockets as if he were trying to hug himself warm between his arms, looking somehow fragile and even wan in the lamplight [7, С. 294].

(«...сидел, сгорбившись, в кресле, засунув руки в карманы, словно пытаюсь согреться, и в свете лампы казался каким-то хрупким и даже бледным»).

Затем У. Фолкнер повторяет данное описание:

...his shoulders hugged inward and hunched, his face lowered and he looking somehow curiously smaller than he actually was... [7, С. 324].

(«его плечи втянулись внутрь и сгорбились, лицо было опущено, и он казался каким-то странным образом меньше, чем был на самом деле»).

Автор изображает состояние персонажа при помощи лексемы *hunched*, а также используя прилагательные *fragile, wan, smaller, lowered*. Поскольку Квентин — воплощение Юга и носитель традиции за счёт своей типичности, заключим, что описание упадка всего региона и населения, в свою очередь, сформировали на примере Квентина лингвокультурный образ «студент-южанин».

Уточнение с помощью лексемы «южанин» необходимо, поскольку в тексте романа «Авессалом, Авессалом!» Квентин противопоставляет себя и Юг принципиально иному пространству Новой Англии. В реализации этого противопоставления Новая Англия изображается при помощи слов, имеющих негативную коннотацию. Автор часто использует слово *cold*:

It was cold in the room now [7, С. 274].

...it was colder than ever [7, С. 360].

It was quite cold in the room now. Далее: *He lay still and rigid on his back with the cold New England night on his face* [7, С. 373].

Примечательно, что завершается роман также описанием холода:

In the cold air, the iron New England dark [7, С. 378].

Кроме того, автор использует сравнение с могилой, отмечая «могильный воздух»:

Quentin and Shreve stared at one another — glared rather their quiet regular breathing vaporizing faintly and steadily in the now tomblike air [7, С. 299].

Even while they were not talking their breaths in the tomblike air vaporized gently and quietly [7, С. 324–325].

С могилой сравнивается также комната Квентина:

The room was indeed tomblike [7, С. 345].

...the two the four the two facing one another in the tomblike room... [7, С. 346].

Атмосфера дискомфорта в Новой Англии подчеркивает, что Квентину, идейному южанину, тяжело в ином месте. Однако на данном этапе может возникнуть ошибочное представление о том, что перед нами «территориально-ориентированный» лингвокультурный образ, который по характеристике «свойственен определенной местности» и не имеет общенационального значения [2, С. 399]. Укажем, что «американский студент-южанин» — это некое исключение, которое при своей региональной специфике не относится к категории узкоориентированного образа.

Благодаря мобильности студентов ценности их регионов не оставались в пределах одного штата или региона, а следовали за носителем этой культуры в другие части Америки. Примером такого перемещения служит Квентин Компсон — студент-южанин, обучающийся в Новой Англии (северо-восток США). Кроме того, четкое разделение на регионы также указывает на типичность сознания Квентина, поскольку для Соединённых Штатов наличие политических и культурных полярностей «Север-Юг» и «Запад-Восток» — это характерная черта Америки фактически с момента создания государства [11, С. 53].

Кроме того, важной особенностью Соединённых Штатов являются некоторые культурные различия между жителями разных штатов. При этом условия носители американской лингвокультуры, так или иначе, осведомлены об этих особенностях, поэтому считать студента-южанина узкоориентированным образом ошибочно. К тому же проблема Юга является для США общенациональной — именно эти события и сформировали тот типичный образ, который рассмотрен в настоящей работе.

Заключение

После вышеуказанного подытожим те составляющие, которые формируют образ Квентина:

- 1) одержимость прошлым Юга, ностальгия по Старому Югу;
- 2) наличие «добродетелей», содержащихся в такой южной реалии, как «рыцарский кодекс»;
- 3) герой, как и полагается южанину тех лет, одержим заботой о сестре;
- 4) регионализм, сформировавший сознание Квентина и ставший причиной противопоставления героя пространству Новой Англии.

Таким образом, в Квентине реализуется лингвокультурный образ «студент-южанин».

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж «французский буржуа» / О.А. Дмитриева // *Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы: сборник научных трудов.* — Волгоград: Парадигма, 2005. — С. 74–88.
2. Дубровская Е.М. Современное состояние теории лингвокультурных типажей / Е.М. Дубровская // *Вестник Российского университета дружбы народов.* — 2024. — № 2. — С. 394–414. — DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-2-394-414.
3. Карасик В.И. Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» / В.И. Карасик // *Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы: сборник научных трудов.* — Волгоград: Парадигма, 2005. — С. 25–61.
4. Карасик В.И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия / В.И. Карасик, О.А. Дмитриева // *Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы: сборник научных трудов.* — Волгоград: Парадигма, 2005. — С. 5–25.
5. Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чужак»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ярмахова Елена Анатольевна. — Волгоград. — 191 с.
6. Brown M.C. The Language of Chaos: Quentin Compson in *The Sound and the Fury*. / M.C. Brown // *American Literature.* — 1980. — № 4. — P. 544–553.
7. Faulkner W. *Absalom, Absalom!* / W. Faulkner. — London: Penguin Random House, 2005. — 384 p.
8. Faulkner W. *The Sound and the Fury* / W. Faulkner // Project Gutenberg. — 2025. — URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/75170/pg75170-images.html> (accessed: 09.08.25).
9. Genovese E.D. The Chivalric Tradition in the Old South. / E.D. Genovese // *The Sewanee Review.* — 2000. — № 2. — P. 188–205.
10. Good C. The Southern Lady, or the Art of Dissembling. / C. Good // *Journal of American Studies.* — 1989. — № 1. — P. 72–77.
11. King R.H. The regions and regionalism / R.H. King // *The Cambridge Companion to Modern American Culture* / Ed. by C. Bigsby — New York: Cambridge University Press, 2006. — P. 53–73.
12. Lee C.P. Decline and Death of the Southern Gentleman. / C.P. Lee // *Southwest Review.* — 1951. — № 3. — P. 164–170.
13. Mellard J.M. The Sound and The Fury: Quentin Compson and Faulkner's "Tragedy of Passion". / J.M. Mellard // *Studies in the Novel.* — 1970. — № 1. — P. 61–75.
14. Treisman R. Nearly 100 Confederate Monuments Removed In 2020, Report Says; More Than 700 Remain / R. Treisman // NRP. — 2021. — URL: <https://www.npr.org/2021/02/23/970610428/nearly-100-confederate-monuments-removed-in-2020-report-says-more-than-700-remain> (accessed: 28.07.2025).
15. Wilson C. We Legitimize the "So-Called" Confederacy With Our Vocabulary, and That's a Problem / C. Wilson // *Smithsonian Magazine.* — 2017. — URL: <https://www.smithsonianmag.com/smithsonian-institution/we-legitimize-so-called-confederacy-vocabulary-thats-problem-180964830/> (accessed: 28.07.2025).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Dmitrieva O.A. Lingvokulturnii tipazh «frantsuzskii burzhua» [The linguistic and cultural type of the “French bourgeois”] / O.A. Dmitrieva // *Axiological linguistics: linguocultural types: a collection of scientific papers.* — Volgograd: Paradigma, 2005. — P. 74–88. [in Russian]
2. Dubrovskaya Ye.M. Sovremennoe sostoyanie teorii lingvokulturnikh tipazhei [The Current State of the Theory of Linguocultural Types] / Ye.M. Dubrovskaya // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhbi narodov [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia].* — 2024. — № 2. — P. 394–414. — DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-2-394-414. [in Russian]
3. Karasik V.I. Lingvokulturnii tipazh «russkii intelligent» [The linguistic and cultural type of “Russian intellectual”] / V.I. Karasik // *Axiological linguistics: linguocultural types: a collection of scientific papers.* — Volgograd: Paradigma, 2005. — P. 25–61. [in Russian]
4. Karasik V.I. Lingvokulturnii tipazh: k opredeleniyu ponyatiya [Linguocultural type: the definition of the concept] / V.I. Karasik, O.A. Dmitrieva // *Axiological linguistics: linguocultural types: a collection of scientific papers.* — Volgograd: Paradigma, 2005. — P. 5–25. [in Russian]
5. Yarmakhova E.A. Lingvokulturnii tipazh "angliiskii chudak" [Linguocultural type "the English weirdo"] : dis. ... of PhD in Philology : 10.02.19 / E.A. Yarmakhova. — Volgograd. — 191 p. [in Russian]
6. Brown M.C. The Language of Chaos: Quentin Compson in The Sound and the Fury. / M.C. Brown // *American Literature.* — 1980. — № 4. — P. 544–553.
7. Faulkner W. Absalom! / W. Faulkner. — London: Penguin Random House, 2005. — 384 p.
8. Faulkner W. The Sound and the Fury / W. Faulkner // Project Gutenberg. — 2025. — URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/75170/pg75170-images.html> (accessed: 09.08.25).
9. Genovese E.D. The Chivalric Tradition in the Old South. / E.D. Genovese // *The Sewanee Review.* — 2000. — № 2. — P. 188–205.
10. Good C. The Southern Lady, or the Art of Dissembling. / C. Good // *Journal of American Studies.* — 1989. — № 1. — P. 72–77.
11. King R.H. The regions and regionalism / R.H. King // *The Cambridge Companion to Modern American Culture* / Ed. by C. Bigsby — New York: Cambridge University Press, 2006. — P. 53–73.
12. Lee C.P. Decline and Death of the Southern Gentleman. / C.P. Lee // *Southwest Review.* — 1951. — № 3. — P. 164–170.
13. Mellard J.M. The Sound and The Fury: Quentin Compson and Faulkner’s “Tragedy of Passion”. / J.M. Mellard // *Studies in the Novel.* — 1970. — № 1. — P. 61–75.
14. Treisman R. Nearly 100 Confederate Monuments Removed In 2020, Report Says; More Than 700 Remain / R. Treisman // *NRP.* — 2021. — URL: <https://www.npr.org/2021/02/23/970610428/nearly-100-confederate-monuments-removed-in-2020-report-says-more-than-700-remai> (accessed: 28.07.2025).
15. Wilson C. We Legitimize the “So-Called” Confederacy With Our Vocabulary, and That’s a Problem / C. Wilson // *Smithsonian Magazine.* — 2017. — URL: <https://www.smithsonianmag.com/smithsonian-institution/we-legitimize-so-called-confederacy-vocabulary-thats-problem-180964830/> (accessed: 28.07.2025).